

О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИОГРАФИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ¹

Академик А. Л. Нарочницкий

Давно назрела необходимость подвести итоги накопленному опыту преподавания историографии в высших учебных заведениях, определить дальнейшие пути улучшения этой работы, выявить имеющиеся недостатки, наметить новые задачи.

Преподавание историографии неразрывно связано с научной разработкой истории исторической науки и отражает уровень ее развития. Поэтому вопросы преподавания следует рассматривать и решать в неразрывной связи с итогами и проблемами исследований в этой области и даже в общественных науках в целом.

Уже в течение более чем пяти лет исторические исследования в нашей стране ведутся исходя из идейно-теоретических задач, выдвинутых постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»². Это постановление, принятое в 1967 г., стало мощным стимулом для новых успехов общественных наук. Важным вкладом в их развитие явилось обобщение опыта нашей страны и мирового революционного процесса на XXIII и XXIV съездах КПСС. Развитие советской исторической науки в последние годы проходило под знаком таких событий, как 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, 150-летие со дня рождения К. Маркса и Ф. Энгельса, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина и 50-летие образования СССР. В связи с этими юбилейными датами подводились итоги пути, пройденного советским народом и мировым революционным движением, итоги осуществления всемирно-исторической освободительной миссии рабочего класса. Было проанализировано и развитие советской науки, всех ее отраслей, в том числе и исторической науки. Это способствовало углублению историографических исследований и улучшению преподавания историографии в высших учебных заведениях. Поэтому сейчас важно, основываясь на достигнутых результатах, выявить имеющиеся еще пробелы, обратить внимание на новые проблемы, продолжить ту работу, которая уже была начата на предыдущих совещаниях по историографии, в частности на совещании 1969 г., проходившем в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Прежде всего следует напомнить о том, что решения партийных съездов и пленумов ЦК КПСС призывают настойчиво преодолевать проявления субъективизма в области общественных наук. Как подчеркнул XXIII съезд партии, общественные науки — не только средство воспитания марксистско-ленинского мировоззрения, но и теоретическая основа руководства нашим обществом. «Творческое развитие марксист-

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на Первой всесоюзной конференции преподавателей историографии университетов и педагогических институтов (Смоленск, 31.1.—3.11.1973 г.).

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Т. 9. Изд. 8-е, стр. 352—357.

ско-ленинской теории партия рассматривает как важнейшую задачу, как необходимое условие успехов в строительстве коммунизма. Большую роль в этом деле призваны играть общественные науки»³. Эти идеи наиболее полно были развиты в постановлении ЦК КПСС 1967 г. по общественным наукам. Оно призывает всех специалистов этой области, и в частности историков, вести активную наступательную борьбу с буржуазной идеологией, ревизионизмом, догматизмом, с любыми антимарксистскими взглядами. В постановлении указано, что разоблачение профессиональных антисоветчиков, антикоммунистов, подвизающихся в области изучения истории СССР, истории КПСС, мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения,— первейшая обязанность советских ученых. Перед ними поставлены ответственные задачи в борьбе против буржуазного национализма и, в частности, против великодержавной антисоветской идеологии маоизма. Понятно, что неустанная критика враждебных марксизму-ленинизму взглядов, активное участие в коммунистическом воспитании советских людей имеют прямое отношение к историческим наукам, в том числе и к историографии.

XXIV съезд КПСС с особой силой подчеркнул международное значение борьбы нашей партии за чистоту и творческое развитие марксизма-ленинизма. Это также имеет прямое отношение к исследованиям и преподавательской деятельности специалистов в области историографии. В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, поставлены вопросы марксистско-ленинской теории, выдвигающие и перед специалистами в области историографии важные задачи. В докладе говорится о необходимости преодолевать всякие попытки отхода от классовых позиций в освещении истории Советского государства, умалять значение социалистических завоеваний советского народа на всех этапах его истории⁴. Применительно к вопросам историографии, к истории советской исторической науки это означает, что не следует пренебрегать определенными этапами ее развития (30-е — начало 50-х годов), несмотря на недостатки, которые имели тогда место. Важно шире показать, что движение вперед происходило на всех этапах развития советской исторической науки. Критика ее недостатков в указанное время не должна поэтому переходить в отрицание ее поступательного развития. Надо не упускать из виду и несостоятельность догматических представлений, игнорирующих успехи нашей науки в последующее время.

В Отчетном докладе ЦК XXIV съезду КПСС сказано: «Опыт истекших лет убедительно подтвердил, что преодоление последствий культа личности, а также субъективистских ошибок благотворно сказалось на общеполитической и прежде всего идеологической обстановке в стране. Мы были и остаемся верны коренным принципам марксизма-ленинизма и никогда не пойдем ни на какие уступки в идейных вопросах». Все это необходимо иметь в виду при подходе к современной буржуазной историографии, философии истории и социологии. Правильная их оценка и боевая критика требуют внимания к теории марксизма-ленинизма, ее творческому развитию и применению. Повторение старых формул там, где они уже изжили себя, неумение по-новому подойти к новым проблемам, подчеркнул Л. И. Брежнев, затрудняет критику всякого рода современных ревизионистских концепций⁵. Сфера творческого применения марксистско-ленинской теории к анализу процесса современного мирового развития расширяется. Теоретические потенции марксизма-ленинизма неисчерпаемы. Это следует помнить тем нашим противникам, которые продолжают утверждать об устарелости марксизма-ленинизма,

³ «Материалы XXIII съезда КПСС», М. 1966, стр. 86.

⁴ См. «Материалы XXIV съезда КПСС», М. 1971, стр. 102.

⁵ Там же, стр. 102—103.

надеясь на то, что его теоретическая основа будет суживаться и потеряет значение, как это случилось, например, с теориями, основанными на догмах и неспособными понять новые явления в общественном развитии. Марксизм-ленинизм — творческая, обогащающаяся и развивающаяся теория, возможности его применения к анализу исторического процесса безграничны. Как говорил Л. И. Брежнев, «сила марксизма-ленинизма в том, что в его основе — революционная, материалистическая диалектика, требующая всегда конкретного анализа конкретной ситуации. Тесная, постоянная связь с практикой, с реальной жизнью, строго научный подход к действительности составляют живую душу марксизма-ленинизма. И в этом тайна его вечной молодости»⁶.

Коммунистическая партия ставит перед советскими историками вопросы творческого применения и дальнейшего развития марксистско-ленинской теории. Постановление ЦК КПСС о развитии общественных наук подчеркивает значение идейной закалки специалистов, их теоретической подготовки. Речь идет о том, что они должны глубоко знать историю борьбы марксизма-ленинизма с буржуазной философией, социологией, политической экономией, с буржуазными историческими концепциями. Тогда наши молодые историки не будут принимать за новые «открытия» обветшалые, лишь внешне модернизированные и давно опровергнутые наукой и жизнью концепции, извлеченные из идейного багажа неокантианства, всякого рода разновидностей прагматизма, неопозитивизма и других буржуазных философских течений. В этом смысле значение историографии чрезвычайно велико. Она вооружает историка — студента, аспиранта, преподавателя и исследователя — верными ориентирами в оценке направлений, школ и течений в исторической науке на всем протяжении ее развития.

Как направление в области научных исследований и как учебная дисциплина историография является сравнительно молодой отраслью исторического знания в нашей стране и новым предметом преподавания в высших учебных заведениях.

Конечно, и раньше, сразу же после 1917 г., у нас создавались и публиковались работы по историографии. Достаточно напомнить о ранних трудах М. В. Нечкиной⁷. Некоторые ученые, в прошлом отражавшие взгляды буржуазии, в условиях советского строя создали интересные историографические труды. Такова, например, трехтомная работа Н. И. Кареева «Историки французской революции» (Л. 1924—1925), труды В. П. Бузескула. В дальнейшем советские ученые публиковали историографические главы в крупных монографиях, докторских и кандидатских диссертациях. Выходили отдельные книги, например, монография М. А. Алпатов о политических идеях французских историков XIX века⁸. Появились даже учебники, обобщающие труды, как «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна (М. 1941). Печатались ценные статьи Ф. И. Нотовича и других авторов против фашистских фальсификаторов истории⁹. Но эти исследования долгое время имели фрагментарный характер и не являлись самостоятельным исследовательским направлением. Их еще не хватало для построения целостной марксистской концепции развития как мировой, так и отечественной исторической науки, особенно в советское время. Более того,

⁶ Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма. М. 1967, стр. 69.

⁷ Статью М. В. Нечкиной об исторических взглядах Г. Эверса см. в сб. «Русская историческая литература в классовом освещении» (под ред. М. Н. Покровского). Т. I. М. 1927). См. также библиографию трудов академика М. В. Нечкиной в кн.: «Проблемы истории общественного движения и историографии». М. 1971, стр. 26—46.

⁸ М. А. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М. 1949.

⁹ Ф. И. Нотович. Фашизм и фальсификация исторической науки. «Против фашистской фальсификации истории». М.—Л. 1939; его же. Фашистская историография о виновниках мировой войны. Там же, и др.

долгое время существовали недооценка историографических исследований, недопонимание их значения, отражавшие своего рода нигилистическое отношение к буржуазной литературе, хотя при всей теоретической несостоятельности трудов буржуазных историков всегда имелась необходимость критического осмысления и использования содержащегося в них фактического материала и даже отдельных частных выводов.

Поворот к созданию широкого историографического направления в нашей исторической науке наметился примерно с середины 50-х годов. Именно тогда резко возросла потребность в историографических исследованиях. К этому привело преодоление догматических представлений, создание и развитие новых социалистических государств и необходимость по-новому осмыслить их историю, подъем и расширение сферы мирового коммунистического и рабочего движения, отказ от нигилистического отношения к зарубежной историографии, расширение научных связей с внешним миром, потребность лучше ориентироваться в огромной старой и новой исторической и социологической литературе. В этих условиях быстро росло сознание необходимости и полезности историографических исследований.

Научная разработка и преподавание историографии не только помогают ориентироваться во множестве различных направлений в исторической литературе, но и позволяют не делать лишней работы, не повторять того, что уже сделано в науке, намечать действительно новые исследовательские задачи. Историография помогает лучше использовать и старые и самые новейшие достижения исторических исследований и критически переосмыслить с позиций марксизма-ленинизма факты и отдельные выводы, добытые буржуазной наукой, чем пренебрегать, конечно, не следует. Историографические исследования, и это мы, возможно, еще не совсем осознали, позволяют не повторять прежних ошибок, что нередко случается с нашими молодыми специалистами. Историография как отрасль исторической науки — это мощный ускоритель ее развития, ускоритель прежде всего подготовки молодых историков. Сейчас, например, есть уже двухтомный труд по историографии новой и новейшей истории Западной Европы и Америки¹⁰. Раньше приходилось работать десятилетиями, чтобы разобраться хотя бы частично в той картине развития исторической науки, которая дана в этом обширном труде. То, что наши историки старшего поколения усваивали после многолетнего труда, сейчас аспирант может уяснить себе за два-три месяца изучения названного двухтомника. Отсюда видно, каким мощным акселератором прогресса исторической науки служит историография.

Осознание значения историографии и переход к ее систематической разработке и преподаванию являются важным результатом развития советской исторической науки. За последние 10—15 лет при всем разнообразии типов историографических исследований у нас сложилось определенное, более или менее общепринятое понимание историографии как науки, как предмета исследования, как учебной дисциплины. Содержание ее составляют эволюция исторической мысли, анализ ее теоретических основ, выяснение развития проблематики исторических исследований, характерной для различных эпох и направлений. В ее содержание входит также раскрытие источниковедческой основы исторических трудов, история научных учреждений и организации исторической науки. Все это, вместе взятое, помогает раскрыть закономерности развития исторической науки.

Что касается анализа этих закономерностей и прежде всего причин, определяющих те или иные крупные повороты в развитии исторической мысли, то здесь мы еще не находимся на должной высоте. Особенно это

¹⁰ «Историография нового времени стран Европы и Америки». М. 1967; «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки». М. 1968 (см. в этих трудах обширную библиографию историографических исследований).

сказывается при изучении новейшей историографии, в первую очередь историографии советского общества. Было бы неправильно сводить ход развития исторической науки к влиянию на этот процесс отдельных личностей — ученых или государственных деятелей, их достижений или ошибок. Таким путем нельзя понять действительные причины развития исторической мысли, а можно лишь превратить историю исторической науки в новый вариант «Истории от Гостомысла до наших дней». Для объяснения поворотов в развитии исторической мысли совершенно недостаточно обращаться только к взглядам ее представителей. Эти взгляды, появление того или иного нового подхода к рассмотрению исторического процесса необходимо объяснять более глубокими причинами, вытекающими из всего хода общественного развития, мирового революционного процесса, развития отдельных стран и международных отношений.

Обращает на себя внимание большое разнообразие типов историографических работ. Это и тематические обзоры, приближающиеся к аннотированной библиографии, и работы, освещающие развитие исследований по крупным историческим проблемам, и общие труды по истории исторической науки в отдельных странах за тот или иной период. Разнообразие типов исследований и обзоров, несомненно, следует сохранить, но при этом надо не упускать из вида единое понимание предмета историографии как науки и учебной дисциплины и помнить о ее месте среди других отраслей исторического знания.

Важным итогом наших историографических исследований и существующих учебных курсов является выработка ясного представления об отличии историографии от ряда смежных областей исторических знаний и о ее связи с ними. Это вопрос о взаимосвязи историографии с историей общественной мысли, философией, историей экономических, социальных и политических идей. Сейчас уже никто не отождествляет историографию с историей общественной мысли. Вместе с тем совершенно очевидна глубочайшая связь между ними. Это часть более широкой проблемы о взаимоотношениях между историей как наукой и обществом. Не случайно эта проблема будет темой специального доклада советских историков на предстоящем в 1975 г. XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско. Исследования в области историографии, проведенные в СССР за последние десятилетия, имеют большое значение для подготовки этого доклада. Общеизвестно, что историография тесно связана с теоретическими, философскими основами методологии истории, с историей философии, экономических и политических идей, но далеко не совпадает с ними.

У нас уже сложилось более или менее правильное понимание тесной связи и различия между историографией и источниковедением. Очень часто в преподавание историографии приходится вносить элементы источниковедения, особенно при отсутствии в программе источниковедения как специального учебного предмета или специального курса. Многие исторические концепции, например, концепции французской буржуазной революции конца XVIII в., впервые были сформулированы в публицистике, памфлетах и прессе того времени, то есть в источниках, и отсюда впоследствии перешли в исторические книги. Это один из множества примеров того, что историографию и источниковедение нельзя отрывать друг от друга, но нельзя их и отождествлять.

Советские историки преодолели примитивные представления об историографии как о какой-то своего рода аннотированной библиографии по отдельным темам, хотя подобного рода статей встречается очень много. Они будут нужны и в дальнейшем как предвзятый материал для конкретных исторических и историографических исследований и обобщений.

В последнее время складывается такая отрасль научного знания, как науковедение, то есть наука о науке как сфере познавательной дея-

тельности человека. Науковедение охватывает проблемы истории науки, теорию информации и другие вопросы. Историография как история исторической науки связана и с проблемами науковедения.

В целом советские историки вплотную приблизились к единому пониманию предмета историографии, ее специфики и ее места среди других отраслей исторического знания. Сейчас уже есть все основания утверждать, что наши историографические исследования вылились в еще молодое, но уже систематически и быстро растущее, дающее важные результаты направление советской исторической науки. Это касается разработки вопросов как отечественной, так и зарубежной историографии. В этих областях выступает ряд одаренных исследователей.

От тематических обзоров, от кратких очерков историографии отдельных проблем в коллективных работах о французской революции 1789—1794 гг., о революциях 1848—1849 гг. в Европе, о Парижской коммуне, о II Интернационале наши ученые перешли к более общим исследованиям о развитии исторической науки. Опубликован ряд книг, явившихся результатом чтения специальных курсов по английской и французской историографии¹¹, по историографии первой мировой войны¹², революций 1848—1849 гг. в Германии и во Франции¹³, по историографии I Интернационала. Издается все больше научных исследований, например, по историографии социалистического строительства в СССР, классовый борьбы и революционного движения в России¹⁴ и т. д. Защищаются диссертации по историографии. Недавно в Академии общественных наук при ЦК КПСС состоялась защита В. П. Наумовым докторской диссертации о советской историографии гражданской войны, в Московском университете А. М. Сахаровым — докторской диссертации об историографии российского абсолютизма. Появился ряд исследований об отдельных историках¹⁵. В работах о М. Н. Покровском восстановлено его имя большевика-революционера, историка-марксиста, показан его вклад в критику дворянской и буржуазной историографии, в становление и развитие советской исторической науки¹⁶. Разумеется, при этом не может быть и речи о возвращении к его ошибочным положениям. Подготавливается капитальный труд акад. М. В. Нечкиной о В. О. Ключевском. По историографии всеобщей истории также выходят крупные исследования, например, третий том коллективной монографии «Первый Интернационал». Ожидается выход в свет труда об изучении новой и новейшей истории в СССР в 1917—1939 годах.

Огромное значение имеют успехи в изучении роли К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в развитии исторической науки. Напечатаны сборники статей «Маркс — историк» (М. 1968) и «Энгельс-историк и проблемы истории» (М. 1970). Опубликован ряд сборников и отдельных статей по теме «Ленин и историческая наука»¹⁷. Далеко не все вопросы в этой области исчерпаны, но очень многое уже сделано, ведется серьез-

¹¹ Б. Г. Рейзов. Французская романтическая историография 1815—1830 гг. Л. 1956; К. Б. Виноградов. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. Л. 1959.

¹² К. Б. Виноградов. Буржуазная историография первой мировой войны. М. 1962.

¹³ С. Б. Кан. Немецкая историография революции 1848—1849 гг. в Германии. М., 1962; Л. А. Бендрикова. Французская историография революции 1848—1849 гг. во Франции (1848—1968). М. 1969, и др.

¹⁴ Л. М. Зак, В. С. Лельчук, В. И. Погудин. Строительство социализма в СССР. Историографический очерк. М. 1971; В. П. Наумов. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М. 1972, и др.

¹⁵ См. статьи в сборниках «История и историки», в журналах «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», и др.

¹⁶ О. Д. Соколов. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М. 1970.

¹⁷ «В. И. Ленин и историческая наука». М. 1968; «В. И. Ленин и проблемы истории». Л. 1970, и др.

ная борьба с современными фальсификаторами истории марксизма-ленинизма.

Значительные успехи достигнуты в подготовке обобщающих трудов и справочных изданий. Вышло в свет четыре тома «Очерков истории исторической науки в СССР» (М. 1955—1966). Это фундаментальный труд, подготовленный многочисленным коллективом авторов во главе с акад. М. В. Нечкиной и под руководством Научного совета по истории исторической науки, председателем которого она является. Изложение доведено до середины 30-х годов. Недавно вышла хроника развития советской исторической науки¹⁸. К сожалению, в ней слабо освещено изучение всеобщей истории, но в целом это также полезное издание. Появилась упомянутая выше обобщающая работа по новой и новейшей историографии стран Западной Европы и Америки, созданная коллективом советских историков с участием ученых социалистических стран Восточной Европы. Организовала подготовку этой работы кафедра новой и новейшей истории Московского университета во главе с И. С. Галкиным. В связи с началом преподавания общего курса историографии СССР издано учебное пособие В. Е. Иллерицкого по историографии СССР досоветского периода.

Изучению проблем историографии помогает критика буржуазной философии, истории, политической экономии и социологии, которую ведут наши философы, экономисты и историки¹⁹. В свое время появилась ценная работа акад. Е. А. Косминского об историософии А. Тойнби²⁰. Вышел в свет ряд книг и статей с убедительной критикой концепции американского экономиста и социолога У. Ростоу о стадиях экономического роста и конвергенции. Развертывается критика концепции «исключительности» исторического развития США²¹. Были написаны исследования, разоблачающие несостоятельность буржуазной советологии. Таковы, например, книга «История и политика» Б. И. Марушкина (М. 1969), сборники работ, статьи и исследования советских ученых, разоблачающие несостоятельность современного антикоммунизма, ревизионизма²² и маоизма²³. Наши ученые начинают публиковать работы с критикой течения, на которое раньше не обращалось достаточного внимания,— неофрейдистской психофизиологической интерпретации истории. В современных условиях оно приобретает все более значительное влияние в капиталистических странах. В наших журналах были опубликованы статьи о вторжении психоанализа в буржуазную историографию²⁴. В то же время делаются первые попытки марксистско-ленинской разработки проблем социальной психологии. Все это расширяет основу для серьезного освещения проблем современной историографии.

Накопление частных исследований, подготовка общих трудов и учебных пособий позволяют поставить вопрос о дальнейшем повышении уровня и значения преподавания историографии в высших учебных заведениях. Как обстоит дело с чтением этих курсов в настоящее время?

¹⁸ «50 лет советской исторической науки. 1917—1967. Хроника». М. 1971.

¹⁹ См. доклады академиков П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева в сб. «История и социология». М. 1964.

²⁰ Е. А. Косминский. Реакционная историософия Арнольда Тойнби. «Против фальсификации истории». М. 1955, стр. 67—140.

²¹ В. С. Капырин. Процесс общественного развития и «теория стадий» Уолта Ростоу. М. 1967; Г. Д. Чесноков. Современная буржуазная философия истории. Критический очерк. Горький. 1972; Г. Б. Хромушин. Развеванные мифы. Критика доктрины «американской исключительности». М. 1969, и др.

²² С. П. Трапезников. На крутых поворотах истории. М., 1971, изд. 2-е. М. 1972.

²³ А. Л. Нарочницкий, Г. В. Астафьев. Лжеисторики на службе великодержавных замыслов Пекина. «Новая и новейшая история», 1973, № 1, и др.

²⁴ В. И. Салов. Вторжение психоанализа в буржуазную историографию. «Новая и новейшая история», 1972, № 4, и др.

Обязательный общий курс историографии СССР введен на исторических факультетах университетов и педагогических институтов. В ряде этих высших учебных заведений преподаются специальные курсы по историографии древней, средневековой, новой и новейшей истории. В университетах ставится немало специальных курсов по отечественной и зарубежной историографии. В течение ряда лет по индивидуальному учебному плану читается обязательный курс историографии новой и новейшей истории в МГПИ имени В. И. Ленина. С 1973/74 учебного года по типовому учебному плану на исторических факультетах пединститутов вводится обязательный общий курс историографии новой и новейшей истории в объеме 50 лекционных часов.

Все большее развитие получает изучение студентами вопросов историографии в специальных семинарах. В Томском университете накоплен богатый опыт этой работы, проводимой на высоком уровне. Под руководством действительного члена АПН СССР А. И. Данилова здесь были подготовлены многие сборники статей по вопросам теории и истории исторической науки²⁵. В преподавании историографии тоже накоплен немалый опыт. Некоторые историки специализируются в этой области.

Но при всех довольно значительных достижениях в научной разработке и преподавании историографии есть еще не решенные проблемы и трудности. Прежде всего обращает на себя внимание незавершенность и замедление подготовки обобщающих трудов по истории исторической науки. Многотомные «Очерки истории исторической науки в СССР» доведены только до середины 30-х годов. Задержка подготовки следующих томов этого издания, конечно, никак не содействует повышению уровня преподавания историографии в высшей школе. Упомянутый выше двухтомный труд по историографии новой и новейшей истории Западной Европы и Америки доведен до 1967 года²⁶. Однако за последующие годы вышло огромное количество советских и зарубежных исследований по новой и новейшей истории. Эти последние результаты развития исторической науки еще слабо обобщаются, и преподавателям трудно их освещать в лекционных курсах. Следует публиковать на эти темы больше статей, выпускать специальные историографические сборники с критикой самых новейших направлений в буржуазной исторической литературе, что позволит в наших курсах по историографии глубже анализировать современное состояние исторической науки. Один преподаватель, как бы он ни был талантлив и эрудирован, не может, разумеется, изучить весь этот материал.

Важен вопрос о программах и учебниках по историографии. Программы существуют далеко не по всем читаемым курсам. Имеется, как известно, программа университетского курса историографии СССР, составленная в 1966 г. в Историко-архивном институте. Она принесла большую пользу, но нуждается в обновлении. Программа университетского курса историографии новой и новейшей истории создана в Московском университете. Проект программы по курсу историографии новой и новейшей истории для пединститутов подготовлен в МГПИ имени В. И. Ленина. Состоялся обмен мнениями по этим программам. Задача подготовки и издания программ, отвечающих современному уровню наших знаний по историографии, требует скорейшего решения. Существующие программы модернизируются, устраняются имеющиеся в них пробелы и недостатки. Так, в программе по историографии СССР для университетов была неполно отражена или совсем обойдена историография последних десятилетий, слабо представлена критика исторических

²⁵ Об этом издании см. А. Д. Эпштейн. Методологические и историографические вопросы исторической науки в «Трудах Томского университета» (1963—1969 гг.). «Новая и новейшая история», 1971, № 5.

²⁶ См. краткий обзор в сб. «Работы советских историков за 1965—1969 гг.». М. 1970.

концепций народников, упущена критика зарубежной советологии и «остфоршунга», ничего не говорилось о критике маоистской историографии, не упомянуты были проблемы историографии Дальнего Востока, а их освещение имеет большое значение для разоблачения несостоятельности территориальных притязаний маоистского руководства. Обновление имеющихся и подготовка и утверждение новых программ по курсам историографии уже осуществляются. К 1973/74 учебному году новые программы выйдут в свет.

Однако программы, даже очень хорошие, еще не обеспечивают должного уровня преподавания историографии. Необходима еще систематическая и глубокая научная разработка проблем, выдвигаемых в этих программах. Для этого следует шире разворачивать более углубленную критику современных течений буржуазной философии, истории и социологии. Несмотря на успехи, которые достигнуты советскими исследователями в этой области, многие специалисты, преподающие историю и историографию, и вообще наши историки, особенно молодые, не всегда достаточно хорошо подготовлены в области философии, слабо знают историю борьбы марксизма с такими течениями, как неокантианство, позитивизм и неопозитивизм, прагматизм, экзистенциализм. Нередко в силу этого они не могут дать аргументированную критику теоретических, философских основ современной буржуазной историографии. Поэтому есть потребность в серьезном критическом анализе исторических концепций, связанных с этими и другими современными буржуазными и ревизионистскими философскими и социологическими течениями и идеями.

К сожалению, имеются недостатки и ошибки в работах некоторых советских авторов по методологии истории²⁷. Эти ошибки выражаются в необоснованных уступках совершенно несостоятельным буржуазным взглядам по ряду теоретических проблем исторической науки. Несомненно, появлению подобных ошибок способствует некритическое восприятие некоторых буржуазных концепций и незнание истории борьбы марксизма-ленинизма с соответствующими течениями буржуазной философии, истории и социологии. Ошибочные положения, выдвинутые в отдельных работах, уже подвергались критике в нашей печати. Приведем лишь некоторые примеры. Так, в отдельных статьях или формулировках, сохранившихся в них, ставилась под сомнение объективная реальность таких общих категорий, как социально-экономические формации, делались попытки рассматривать их только как идеальные конструкции ума. Тот, кто знает историю борьбы марксизма с неокантианством и понимает несостоятельность построений хотя бы, например, М. Вебера, легко заметит отсутствие какой-либо новизны в подобных идеях и поймет, что они давно уже опровергнуты.

В нашей литературе появилось много полезных и правильных в целом статей о том, что такое «исторический факт». Много интересного было написано и о том, как историк реконструирует исторический факт. И все же еще требуется гораздо более глубокая критика антинаучной неокантианской концепции исторического факта как результата конструктивной деятельности мышления и воображения историка. С точки зрения диалектического материализма нельзя, разумеется, отождествлять исторический факт с отражением его в сознании историка. Действительно, отражение исторического факта в сознании историка является в определенной мере результатом его исследовательской работы, но оно в большей или меньшей степени (в зависимости от научности подхода к историческим явлениям) содержит объективную истину.

Некоторые авторы пытались поставить под сомнение правомерность концепции базиса и надстройки в применении к феодальному обществу,

²⁷ См. Г. П. Шурбованый. Обсуждение некоторых проблем методологии истории. «Вопросы истории», 1971, № 10.

в котором, по их мнению, общественная структура сводится к «личностным» отношениям и связям, причем отношения имущественные якобы не могут быть выделены из общего комплекса этих связей²⁸. Но ведь попытка отрицать при помощи подобных аргументов концепцию базиса и надстройки и объявлять ее просто «метафорой» стара и давно опровергнута наукой. Еще русский буржуазный экономист М. И. Туган-Барановский пытался отрицать концепции базиса и надстройки, уверяя, что в базисе уже заранее содержится вся надстройка, так как рабочая сила входит в производительные силы общества и в то же время включает в себя сознание человека, его идеологию и т. д. В свое время у нас давалась убедительная критика подобного рода взглядов в книгах и статьях по историческому материализму. А сейчас нашим молодым специалистами, читающим книги буржуазных авторов, подобные софизмы иногда кажутся новинкой. Именно поэтому необходимо, чтобы историки лучше были вооружены опытом борьбы марксизма-ленинизма с подобного рода концепциями. Следует поощрять написание диссертаций и исследований на методологические темы. У нас нет даже солидной монографии с критикой концепций старой неокантианской школы В. Виндельбальда и Г. Риккерта, отрицавших возможность научного образования понятий в так называемых науках «о духе», к которым они относили и историю. Между тем концепции этой школы — альфа и омега всего последующего субъективизма и релятивизма в буржуазной историографии. С иностранных языков переведены некоторые полезные работы на эту тему²⁹, но вряд ли этого достаточно для фундаментального освещения проблемы.

Нередко наши философы пишут книги о методологии исторической науки, плохо зная историю, а историки берутся за эти вопросы, плохо зная философию. Тесное сотрудничество представителей этих областей знаний и лучшая философская подготовка историков могут помочь поднять уровень научного анализа проблем историографии.

Необходимость глубокого знания истории всей борьбы марксизма-ленинизма с буржуазными и ревизионистскими взглядами видна и из следующего примера. Один из современных способов фальсификации идей В. И. Ленина буржуазными советологами состоит в изображении аграрного вопроса в качестве главного в ленинизме, и это преподносится как «открытие». Делается это для того, чтобы отвергнуть тезис о ленинизме как международном, интернациональном учении, объявить его применимым только к русским условиям. Достаточно заглянуть в некоторые книги по истории ВКП(б), которые имели хождение в середине 20-х годов и вышли из рядов антипартийной оппозиции, чтобы найти там этот тезис в совершенно обнаженном виде. Но наши молодые историки плохо знают историю борьбы с этими концепциями и иногда считают их чем-то новым. Советологией выдвигается и фальшивый тезис о связи ленинизма с народничеством. Эта дутая проблема тоже ставится ими с целью отрицания роли ленинизма как международного, интернационального учения, как учения, раскрывающего общие закономерности, а не только отражающего исторические условия русской действительности. Отсюда вытекает необходимость в новых исследованиях, дающих критику фальсификаций марксизма-ленинизма в современной буржуазной литературе, причем в исследованиях исторических, а не только философских.

В разработке методологических вопросов исторической науки у нас есть достижения, но имеются и пробелы и недостатки. Преодоление их очень существенно для глубокого освещения проблем историографии.

²⁸ См. С. Л. Плешкова. Об учебном пособии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе». «Вопросы истории», 1970, № 9.

²⁹ Н. Ирибаджак ов. «Клио» перед судом буржуазной философии. К критике современной идеалистической философии истории. М. 1972.

К сожалению, вопросами этими мало занимаются научные советы, призванные разрабатывать теоретические проблемы исторической науки, в частности научный совет по комплексной проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой». Правда, из секции этого совета по проблеме генезиса капитализма, которую возглавлял акад. С. Д. Сказкин, вышел ряд критических статей о буржуазной историографии генезиса капитализма и ранних буржуазных революций.

Крайне важно развивать научную разработку крупных проблем историографии. Углубить анализ истории исторической науки в исследованиях и лекционных курсах нельзя без дальнейшего развертывания исследовательской работы в этой области. Можно написать прекрасные программы для преподавателей и студентов, но если недостаточно глубока научная разработка поставленных в них проблем и если по каждой теме нельзя опереться на монографии, статьи и диссертации, еще нет прочного фундамента под общим курсом. Следовало бы всячески усиливать монографическую разработку крупных проблем истории исторической науки и завершить начатые обобщающие труды, в которых получили бы правильное освещение концепции развития историографии советского общества.

Желательно еще раз продумать некоторые общие вопросы, например, о соотношении периодизации истории советской исторической науки и зарубежной исторической науки. Развитие зарубежной историографии новой и новейшей истории не укладывается, например, в периоды развития исторической науки в СССР. В зарубежной историографии трудно выделить в качестве рубежа середину 30-х или середину 50-х годов. Для нее важнее такой переломный рубеж, как конец второй мировой войны. Уже упоминавшееся двухтомное пособие по историографии новой и новейшей истории Западной Европы и Америки построено по периодам 1917—1945 и 1945—1967 гг., потому что этого требует сам материал. В курсе историографии новой и новейшей истории надо учесть и периодизацию истории советской исторической науки и периодизацию развития западной историографии.

Требуют внимания некоторые слабо разработанные конкретные проблемы историографии. До сих пор нет капитальных исследований по историографии трех русских революций (имеются только статьи, обзоры, сборники по более или менее частным вопросам). Между тем историография трех русских революций — это важная область для создания ряда монографических исследований и диссертаций. Они помогут лучше подготовить намечаемый многотомный труд по истории трех русских революций.

Еще недостаточно разработана историография развития Советского многонационального государства, опыта решения национального вопроса в СССР. Институт научной информации по общественным наукам АН СССР выпустил библиографический справочник по этой проблеме, который свидетельствует о том, что почти все работы советских авторов по этой тематике касаются 1917—1924 гг., а последующий период мало исследован. Это пример того, как уже одна только библиография дает возможность выявить не решенные в исторических исследованиях проблемы. Историографический анализ позволит сделать это еще лучше, определить пробелы и поставить новые исследовательские задачи.

В дальнейшей разработке нуждается историография второй мировой войны за последнее десятилетие, историография внешней политики СССР и международных отношений. Очень плохо изучается историография внешней политики России, а между тем буржуазные историки используют эту проблематику в своих целях и нередко ведут пропаганду против нашей страны, опираясь на всякого рода инсинуации именно в этой области.

На наш взгляд, требуется более глубокий анализ историографии коммунистического и рабочего движения, социалистических стран Европы, в частности народно-демократических революций, социалистической индустриализации, социалистического преобразования сельского хозяйства в странах Восточной Европы и т. д.

Одна из актуальных проблем историографии и вместе с тем область для научных изысканий в рамках докторских и кандидатских диссертаций — это критика концепций «исключительности» развития США. Вскоре будет отмечаться 200-летие образования этого государства. Буржуазная пропаганда идей «исключительности» США усиливается, а у нас еще мало историографических работ по разным аспектам истории США. Мы почти не знакомы с историографиями малых стран Европы и некоторых стран Латинской Америки. До сих пор нет обстоятельных историографических трудов, разоблачающих «европоцентризм» и тесно связанные с расизмом и национализмом разного рода американоцентристские и азиоцентристские концепции всемирно-исторического процесса. Сейчас появились статьи о фальсификаторских схемах мировой истории, начертанных в Пекине в великодержавных и шовинистических целях.

Советские востоковеды уже приступили к подготовке работ по истории исторической науки в Китае, но в целом историография стран Азии и Африки остается пока мало изученной. Определенные достижения в разработке этих проблем имеются у Ленинградского университета, Института востоковедения АН СССР и некоторых других учреждений. В исследованиях Л. А. Березного и В. Н. Никифорова дана, например, глубокая критика методологии американской историографии Китая, охарактеризованы важные этапы развития китаеведения в СССР³⁰. Однако всестороннего освещения проблем историографии стран Востока еще нет.

Возвращаясь к вопросам преподавания, следует подчеркнуть, что в высших учебных заведениях СССР сложилась практика чтения очень разнообразных курсов по историографии. Почти на каждом историческом факультете этот курс читается в значительной мере по-своему. Это уместно и оправданно. Кафедры применительно к узкому профилю своих специалистов выдвигают в курсах историографии вопросы, которые они хорошо знают, и тем самым вносят вклад в их научную разработку. Но наряду с разнообразием все-таки надо прийти к общему мнению о едином субстрате общих курсов по историографии, который должен быть зафиксирован в программе. После этого будет легче включать в нее дополнительные темы или заменять одни темы другими. Кафедрам надо предоставлять возможность проявлять такую инициативу в зависимости не только от их специализации, но и от местных условий в разных регионах и республиках нашей страны. Следует иметь в виду необходимость научной разработки и преподавания курсов историографии союзных республик. Некоторые курсы такого рода уже читаются. Это — еще одно огромное поле деятельности для исследователей и преподавателей.

Необходимо прийти к единому мнению относительно некоторых общих принципов построения курсов историографии. Такие курсы не могут быть аннотационно-библиографическими обзорами, их не следует загромождать чрезмерным обилием имен и названий исторических работ. Они должны быть в значительной мере теоретическими, освещать крупные течения и направления исторической мысли, широко раскрывать роль К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в развитии историче-

³⁰ Л. А. Березный. Критика методологии американской буржуазной историографии Китая. Л. 1968; В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М. 1970. См. также кн.: «Историческая наука в КНР». М. 1971; С. Л. Тихвинский. Национализм и классовая борьба в Китае в новое время. «Вопросы истории», 1971, № 11; его же. О проблемах новейшей истории Китая. «Вопросы истории», 1973, № 2, и др.

ской науки. В учебном курсе необходимо давать возможно более широкую картину развития марксистско-ленинской исторической мысли в СССР и за рубежом. Наряду с этим важно показывать кризис современной буржуазной исторической мысли, избегая при этом примитивно-упрощенческих трактовок этого явления. Теоретический кризис, методологическая несостоятельность буржуазной историографии сочетаются, как известно, с большим расширением конкретных исследований, накоплением большого фактического материала, использованием новых источников. Все это надо критически перерабатывать и переосмысливать с позиций марксизма-ленинизма. Лекционный курс должен вводить студентов в современную историографию, а не только останавливаться лишь на исторических концепциях минувших времен, например, на концепциях гуманистов, школе Л. Ранке, идеях западных либеральных историков XIX в. или же на взглядах Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева. Он призван ориентировать студентов прежде всего в современных направлениях исторической науки.

Курс историографии должен содержать убедительную аргументацию против буржуазных концепций, особенно тех, которые и сейчас используются в западной исторической литературе. Такие концепции надо критиковать по существу, с фактами в руках, чтобы доказать их научную несостоятельность. Очень важно также объяснить, почему те или иные исторические концепции возникли и какую социально-политическую функцию они выполняют. Г. В. Плеханов критиковал многие идеи ревизионистов, но не вскрывал социальную базу и социальные функции этих идей, а В. И. Ленин не только разоблачил ревизионизм, но и выяснил его социальные истоки и социально-политическую роль. В основу критики концепций буржуазной историографии должен быть положен ленинский подход к критике враждебных марксизму взглядов.

У нас еще не решен вопрос о месте курса историографии в учебных планах пединститутов и университетов. Тут, по-видимому, допущены были некоторые просчеты. Курс историографии СССР в педагогических институтах введен был на 2-м году обучения, но это себя не оправдало. Опыт показал, что предмет этот очень сложный и должен быть перенесен на IV или хотя бы на III курс. Историография новой и новейшей истории на исторических факультетах университетов читается только как специальный курс, а его следовало бы сделать обязательным. Целесообразно расширять занятия со студентами по историографии. Полезно вкрапливать историографические экскурсии в общие курсы по истории. Это не исключает отдельного курса по историографии. Можно проводить спецсеминары по историографии и выдвигать историографические темы в других специальных семинарах, ставить эти вопросы в научных студенческих кружках. Необходимо повышать требования к историографическим разделам в дипломных работах и кандидатских диссертациях. Назрела также потребность организовать курсы повышения квалификации для преподавателей историографии в пединститутах при МГУ имени М. В. Ломоносова и МГПИ имени В. И. Ленина.

Таковы некоторые итоги и очередные проблемы научной разработки и преподавания историографии. Реализуя решения XXIII и XXIV съездов КПСС и постановление ЦК КПСС о развитии общественных наук, советские историки могут, несомненно, достигнуть новых успехов в расширении и углублении историографических исследований и коренного улучшения преподавания историографии в высших учебных заведениях. Подведение некоторых итогов работы советских историков по реализации указанного постановления и определению задач дальнейших исследований в этом направлении поможет достижению новых важных результатов.